

Немаленький принц Обновленный отель La Mamounia в Марракеше открывала Екатерина Истомина

ОПЫТНЕЙШИЙ французский отельер, директор La Mamounia Дидье Пико принимал нас в своем кабинете, где хранится часть архивов, рассказывающих о жизни старой гостиницы. «Господин Пико, что вы продаете?» — спросили мы директора. «Мы продаем то, что продается лучше всего. Мы продаем миф», — сказал директор. И лучшего ответа нельзя было и пожелать, так как разобраться в том, что же именно представляет отель La Mamounia работы Жака Гарсиа, непросто.

Сухие факты: эта легендарная гостиница, что в центре Медины, в пяти минутах от главной площади Джема-эль-Фна, была открыта в 1923 году. Ее название происходит от имени марокканского принца Мамуна, жившего в XVIII веке и разбившего в Марракеше несколько садов. В 1946 году отель увеличил свою площадь — с 50 до 100 комнат. В 1986 году под руководством художника Андре Паккара отель перенес грандиозный ремонт, итогом которого стало превращение прежнего марокканского дворца во дворец в стиле ар-деко. В этом состоянии La Mamounia смогла продержаться еще 20 лет.

Нам удалось побывать в La Mamounia за месяц до ее закрытия в 2006-м. Это был роскошный, отяжелевший от разнообразных сокровищ отельный призрак, скрипучий и тихий, но благородно умирающий. Гостиница готовилась отойти в мир иной. Но что-то шикарное и кинематографическое в ней все равно было: отблески экзотической истории и тени знаменитых постояльцев. Владельцы отеля (их три — Объединенные железные дороги Королевства Марокко, банк и город Марракеш) крепко задумались: кому бы поручить реновацию призрака? Кто у нас здесь главный декоратор в мире? Ответ был один: Жак Гарсиа, тем более что он на протяжении двадцати лет являлся преданным постояльцем отеля.

Бюджет реновации составил €120 млн, €4 млн были выручены на аукционе, который прошел в Марракеше в мае этого года. Шесть тысяч лотов прежней обстановки La Mamounia — от посуды до конской упряжи, колясок и деревянных детских лошадок dada. Сотни поклонников La Mamounia по всему миру, любившие отель старого разлива, в ужасе ожидали открытия нового. Ведь Жак Гарсиа, когда развернется во всю мощь своего карающего таланта, бывает способен на многое.

Открытие обновленной La Mamounia украсила такая видная политическая фигура, как государственный секретарь США госпожа Хилари Клинтон. Не стоит думать, что госпожу Клинтон «выписали» специально: La Mamounia и сейчас остается главным местом для значительных политических постояльцев. Традиция, заложенная Черчиллем, Рузвельтом и де Голлем (первому президенту Пятой Французской республики пришлось построить специальную кровать: генерал отличался высоким ростом), продолжается и сегодня. Госпожа Клинтон выбрала La Mamounia,

чтобы принять участие в экономическом форуме, больше известном как «североафриканский Давос».

По следам госпожи Клинтон (эта милая женщина в простом белом льняном платье однажды почтила присутствием пляжный ресторан Le Pavillon du Piscine) в La Mamounia устремились и важные или не очень арабские гости с нескончаемой челядью. Проживание других, неполитических гостей, на два дня превратилось в ад. Делегаты форума не желали заселяться и выселяться в назначенные часы (следующие постояльцы должны были ожидать заселения по три-четыре часа), расставляли национальную охрану в коридорах, а охрана занимала не только коридоры, но и чудом освободившиеся комнаты, в которых с восторженными криками тестировала хозяйские блюда и напитки. Но и на этом арабские гости не хотели останавливаться: так, был зарегистрирован случай проникновения восточной женщины на чужой для нее русский балкон. Одиноким русским господином, увидев толстую женщину в черной парандже, лезущую к нему через небольшую деревянную дверку (такие дверки соединяют балконы между собой), от страха лишился чувств. Стакан чистого джина (47 градусов, свободно продается в любом марокканском универсаме) привел русского джентльмена в адекватное состояние.

В итоге узнать, что же представляет собой La Mamounia работы Жака Гарсиа, нам удалось лишь после того, как разнообразные делегации покинули его пределы. От прежней отделки и обстановки господин Гарсиа соизволил оставить только крошечную часть: сохранен деревянный потолок в баре, расписанный Жаком Мажорелем, несколько воинственных картин 1907 года (из лобби они переместились в бар). В очень славном английском баре остались в живых барная стойка и несколько фотографий именитых джазменов.

Зона лобби, ставшая более просторной, получила форму креста: одна линия отходит от главных дверей и тянется через бар в сторону выхода в сад, а вторая идет от марокканского дворика в сторону спа-центра. Линии пересекаются в районе постамента, украшенного скульптурной группой. Это мчащийся во весь опор верблюд, на горбу которого восседает оскаленный всадник в чалме, а на крупе повис (наперекор всем законам гравитации) хищный тигр. Администрация отеля не раз намекала, что именно таким образом выглядел принц Мамун в своей обычной жизни. Разумеется, в отеле можно найти и другие изображения принца Мамуна. Например, на одной из картин он изображен как зверек с большими грустными глазами. В районе спа-центра с прекрасным хамамом есть и модернистское изображение легендарного принца — двухметровая скульптура в виде керамической плащ-палатки с капюшоном.

Концепция Жака Гарсиа проста: он хотел вернуть отелю, заслуженно носившему статус памятника ар-деко, вид сказочного марокканского дворца. Он даже заменил прежний логотип отеля, стильный и лаконичный, на новый — в форме свечек, приросших друг к другу, как грибы.

Во-первых, Гарсиа серьезно затемнил все публичные зоны La Mamounia: лобби, французский, марокканский, итальянский (бутылка неплохого итальянского вина оценена здесь в \$1100, это отельный рекорд) рестораны, спа-центр, коридоры и лифты (их, обшитых темной, с гравировкой кожей стоит считать настоящей находкой мастера) подсвечены лишь при помощи марокканских национальных ламп, сделанных из желтого, красного и синего стекла. Во-вторых, Гарсиа повелел регулярно распылять в публичных пространствах особые восточные ароматы — мускуса, ванили, перца, шафрана. И этот расчет был совершенно верен, поскольку запахи марокканской улицы не слишком-то свежи.

В-третьих, Гарсиа вспомнил все, что он умеет и любит в искусстве. Искусственные пятнистые шкуры «под леопарда»; бархатные, а также «дугие», простеганные из кожи, стены; будуарно и эротично ниспадающие занавески, сшитые из разных кусков; венецианские патинированные зеркала; мельчайшую плитку в ванных комнатах (этот прием полностью соответствует национальному марокканскому декору); громоздкие двери с кожей и с железными элементами; старые этнические фотографии (пришлось сделать более 500 копий). Всего в отеле 136 комнат с балконами, 71 suites (также с балконами и с беседками) и три виллы в саду (или riads). И некоторые из комнат и suites можно называть действительно очень удачными, ловко и профессионально сочетающими национальный колорит и комфортную современность.

Однако €120 млн не решили главной проблемы этого, несмотря ни на что, великого отеля. Директор прав: тут продают миф. Поскольку это все равно изнутри старая гостиница. Это роскошный отель-призрак, предлагающий старую концепцию путешествия: развлекательную поездку в Медину, обед во французском ресторане, ужин — в марокканском (отличном, на все «пять с плюсом»), немного пляжа у бассейна, чуть-чуть прогулки в пальмовой роще (она оказалась нетронутой реновацией).

Так здесь мог жить в 1943-м Черчилль: ведь он занимался живописью. Так мог жить Хичкок, снимавший в отеле в 1934-м «Человека, который слишком много знал». Так могло быть еще 20 лет назад, когда жители Марокко говорили на улицах не на арабском, как сегодня, а на французском языке. Но так никак не может быть в 2009 году, когда Марокко уже давно перестало быть какой-либо потрясающей экзотикой, красивой сказкой о храбром принце Мамуне, но еще не доросло до страны комфортабельного, пятизвездного отдыха.

www.mamounia.com

